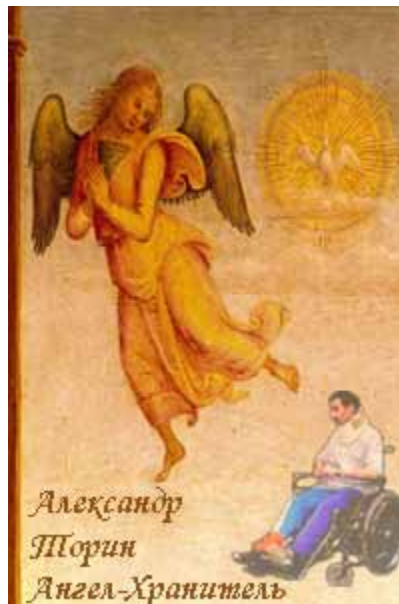

Александр Торин

Ангел-Хранитель

Copyright © 2002 Alexander Taratorin. All rights reserved.

Любое изменение этого текста, а также воспроизведение его в коммерческих целях может осуществляться только с согласия автора.

E-mail: amtar@pacbell.net

Лева Федюшкин был из той редкой, я даже сказал бы неудобной породы людей, с которыми постоянно происходит что-то нелепое, а иногда и опасное для жизни. Хуже того, мне иногда казалось, да и до сих пор кажется, что нас с Левой связывают невидимые ниточки-паутинки судьбы.

Если бы я верил в любого из богов, придуманных человечеством, Федюшкина можно было бы сравнить с ангелом-хранителем. А что вы думаете? Я тут недавно воткнулся в телевизор. По образовательному каналу на всю Америку распространялся сладковатый дымок опиума для народа. То кому-то тоненький голосок нашептал: Билл, не ходи сюда, а то стена рухнет. И, представьте себе, она рухнула. То шестикрылый серафим оказался между потерявшим управление грузовиком и страдающей ожирением набожной мексиканской дамой, подхватил ее сто с лишним кило на поросшие перышками стальные руки-крылья, но, видимо, недооценил ношу, и уронил дамочку на асфальт. И на том спасибо, она отделалась разбитой коленкой и приятными воспоминаниями. Говорят, серафим сильно благоухал корицей и ванилью.

Но, к моему глубокому сожалению, даже набожной католичке, одержимой идеей сдобно-ванильного ангела, пришлось бы признать, что Лева Федюшкин - типичный брак небесного конвейера. Я уже для ясности умолчу о том, что в от него никогда не пахло ванилью, скорее наоборот. Если у них на небесах рай, то получка наверняка в пятницу, а после нее, с утра в понедельник, получают бракованные ангелы-хранители.

Итак, в понедельник, тридцатого июля тыщу девятьсот шестьдесят какого-то года, неудавшегося ангела выкинули на землю, и появился младенец мужского пола у счастливых супругов Федюшкиных, будущих соседей по даче моих уважаемых родителей.

Если придерживаться сугубо земной версии происхождения Федюшкина, то приходилось признать, что многочисленные дефекты были унаследованы Левой от отца Николая Николаевича. Я с детства помню его высокий голос, тонкую шею с выдающимся кадыком и нелепые черные усики под самым носом. Колай Колаич, как мы его прозвали, обожал разговоры на политические темы. Он приходил к нам на веранду вечером, пил чай с коньяком и нес что-то такое, что даже мне, зрелому в суждениях трехлетнему ребенку казалось пределом человеческой глупости. Ну, да ладно, не верите мне - сошлемся на незыблемые авторитеты. Более всех в нашей семье не любила Федюшкина-старшего бабушка.

– Опять этот идиот пришел! – всплескивала она руками.

– Ну что ты возмущаешься, – отмахивалась от нее мама.

– Удивляюсь вашей глупости, – парировала бабушка. – В Магадане, к вашему сведению, бараки еще никто не сносил. После смерти усатого, так и стоят! – Она закуривала папиросу-Беломорину и раздраженно уходила в свою комнату.

Я всегда был далек от политики и гордился этим. "Все политические деятели всех стран – сволочи" – гундосил Колай Колаич, выпив пятую или шестую рюмку коньяку, мама зевала, поглядывая на часы, а Лева Федюшкин, увлекшись, пытался засунуть мамину вязальную спицу в электрическую розетку.

– Нельзя! – Будучи на правах хозяина дома, я испытывал ревность к маминым спицам, которыми я еще вчера с таким удовольствием пытался проткнуть собственную барабанную перепонку. Одновременно, мной овладевала неприязнь к покрытому веснушками пришельцу в коротких штанишках, из правой ноздри которого свешивалась сопля зеленого цвета. – Это моя! – Я изо всех сил потянул за металлическую спицу, пытаюсь выдернуть ее из розетки.

– На, – серо-голубые глаза моего гостя светились кроткостью и миролюбием агнца божьего. – Еще одна есть, – он протянул мне вторую спицу. Справедливости ради, приходилось признать, что она была точной копией первой.

– Жжж, – я принял принадлежащее мне по праву, пытаюсь проткнуть ляжку пришельца холодным острием вязальной принадлежности.

– Ой, – вскрикнул Лева, – растерянно посмотрев на меня. – Суй лучше сюда! – он сладострастно начал крутить свою спицу в латунном раструбе розетки.

– Моя, – убежденно декламировал я, но, необходимо признать, душой моей неуклонно овладевала черная зависть. Что-то еще сдерживало меня, это что-то каким-то образом было связано с мамой и с ее рассказами про злое фиолетовое электричество, но я уже был не в силах противостоять искушению, и, повторяя ошибки прошлых поколений, и даже не подозревая о глубинной фрейдистской подоплеке происходящего, погрузил свою спицу в бездонную, уходящую в стену узкую розеточную полость.

– А моя дальше заходит, – игриво заявил Лева, протолкнув свою спицу в стену до самого крючка.

– Моя дальше, – продолжал я против своей воли подтверждать навеянные кокаином откровения Венского психиатра. Но, вот досада, моя спица уперлась во что-то твердое и упорно не желала двигаться дальше.

– Не заходит, не заходит, – у Левы из уголков рта потекли от радости слюни.

– Заходит, – я почувствовал, что сейчас заплачу, и ткнул свое достояние в неизведанную глубину что есть силы, в результате чего металлический стержень не выдержал и согнулся.

– Не заходит, не заходит!

– Отдай, – не выпуская из рук согнутой спицы, я был полон решимости отнять у сопливого пришельца гордость дома, беззастенчиво погруженную им в любимую стенку, спицу, которой мама вязала долгими зимними вечерами, когда за окном падал снег. Да что он знает про все это, гадкий утенок!

– Не-а, – губы его скривились.

– Отдай, – я уже почти стукнул Федюшкина по коленке, в результате чего между нами проскочили голубоватые искры, на которые я не обратил внимания.

– Не дам, – Лева сжал зубы.

– Отдашь, – с уверенностью гестаповских палачей сказал я, протягивая к его шее руки.

– Папа!!! – Папа!! – Лева не на шутку испугался и начал рыдать. – Я боюсь!

– Ябеда-Говядина! – Я высунул язык, снова попытавшись выдернуть заветный прибор для домашнего вязания шерстью у Федюшкина из рук.

– Левочка, – всхлипнул Колай Колаич, – Что ты делаешь? Ты можешь уколоться.

– Ой, – это вступила в разговор мама. – Бяка! Брось немедленно!

– Где бяка? – Бяка в моем детском лексиконе была равнозначна мохнatomy, кусачему насекомому. Что-то вроде скорпионов и тарантулов, с которыми я познакомился в зрелом возрасте, проживая в благословенном штате Калифорнии. А в детстве, не ведая, что мои будущие дети будут радостно дразнить заползших в дом гремучих змей, наслаждаясь их трескотней, я ужасно боялся мух, бабочек и пауков, поэтому сразу же разжал ладошку. Как я оказался на руках у мамы – не знаю, помню только, что было много слез и криков.

Как-то раз, ранней весной, предшествующей последующему дачному сезону, вскоре после того, как я утопил в канализационном люке своего любимого оловянного солдатика, мама потащила меня домой к Федюшкиным, наносить визит вежливости.

Визиты вежливости в моем сознании, испорченном всяческими детскими книжками, почему-то отождествлялись с английской королевой. И со стихами: Где ты была сегодня, киска? У королевы, у английской. Что ты видала при дворе? Видала мышку на ковре.

Но вернемся к нашим Федюшкиным. Жили они на окраине Москвы, автобус долго полз между жизнерадостными блочными постройками грязно-серого цвета, а я горевал об утерянном навсегда оловянном гренадере. Если бы я тогда был осторожнее и не уронил его в предательское черное отверстие канализационного коллектора...

На лестнице пахло кошками, а дома у Федюшкиных сидела мама, Нина Петровна, словно сошедшая с портретов конца 19 века: со старомодной прической, в длинном платье с вышивкой, полная и с вечными болезненными синяками под глазами. Запомнились мне бесконечные деревянные этажерки, покрытые кружевными белыми салфеточками. На этажерках стояли какие-то шкатулочки, фотографии, фарфоровые балеринки и прочая чепуха. В квартире крепко пахло сердечными каплями, корнем валерианы и подгоревшей сдобой, приготовленной Ниной Петровной в честь нашего визита. Запахи эти, надо признать, перебивали стойкий аромат кошачьей мочи, предательски сочащийся в квартиру с лестницы, через щель под входной дверью.

Что взять с наших мамочек, они были рады этой возможности поговорить на шестиметровой кухне, запивая подгоревшие пирожки мятным чаем. А мы слевой... Вниманием нашим завладела пластмассовая модель не помню уже какого самолета с красными звездами на крыльях, стоявшая на шкафчике в сумрачном коридоре.

– Жжж, – Лева с упоением, наполовину прикрыв глаза, носился с самолетом в руке, ловко уворачиваясь от этажерок и стеновых шкафов, изготовленных из списанных детско-садовых раздевалок.

– Дай полетать, – застенчиво попросил я.

– Не дам, – нагло ответил Лева. – Это папа клеил.

– Ну дай, что тебе, жалко? – Как я мечтал прикоснуться к этому пластмассовому корпусу с серыми крыльями в пупырышках со следами засохшего клея.

– Нет, – Лева спрятал самолет себе за спину.

– Ну пожалуйста, – мама когда-то учила меня, что стоит произнести это волшебное слово, как все вокруг наполнится вселенской любовью, и...

– Фиг тебе! – Хрупкая гармония вселенной была навсегда нарушена. – На, попробуй достань, – скривил губы Федюшкин-младший. – Это папа клеил! – Он высунул свой тонкий розовый язык, чем окончательно вывел меня из состояния равновесия.

– Ах вот ты как, – я с ненавистью оттолкнул соперника и схватил хрупкий пластмассовый корпус первого советского реактивного истребителя, пытаюсь вырвать его из рук этого противного, сопливого... Раздался хруст, и крыло осталось в моей руке...

– Ааа... – Лева смотрел на разломанный корпус самолета, и слезы потекли из его проникновенных, архангельских глаз. – Меня папа теперь убьет. Все, я скажу, что это ты с балкона выбросил, – и он торопливо засеменил на семейный балкон, расположенный на уровне третьего этажа.

Ну, чем еще мог быть заставлен балкон Федюшкиных? Правильно, там была старая, рассохшаяся тумбочка, а в ней пустые, пыльные трехлитровые стеклянные банки, предназначавшиеся для будущих засолов и маринадов.

– Вот! Ты во всем виноват! – Несмотря на все мои старания, бракованный архангел метнул однокрылый символ отечественного самолетостроения в пространство, неуловимо набухающее грядущими весенними почками, но пластмассовый уродец совершил в воздухе мертвую петлю и застрял на бельевой веревке соседей этажом ниже. Веревка эта располагалась в соблазняющей близости от пола балкона Федюшкиных, то есть, если перелезть через перила и наклониться...

– Я ничего не сломал, – слезы против моего желания потекли из глаз. – Ну да, я сломал, но не нарочно. – Осознание несправедливости мироздания спустилось на мою растревоженную Левою душу, да тут еще этот самолетик так близко... Стоит только пролезть между перилами, наклониться... Черт!! Я с детства боялся высоты и, осознав все безумие своего поведения, вцепился руками в балконную решетку. Господи, как высоко.

– Мама, – нерешительно, почти что шепотом позвал я.

– Он сейчас достанет, – во весь голос зарыдал Лева, осознав тщетность своих попыток спасти свою репутацию. Он достанет-е-ет! Мама!

– Что Левушка, – с томным вздохом произнесла Нина Петровна, и вдруг закашлялась, увидев меня, повисшего на балконе. Руки у меня после этого случая болели еще недели две.

Федюшкины неумолимо продолжали возникать в моей дошкольной жизни. Мы чуть не утонули, когда родители отдыхали на Оке, и Лева отвязал якорь от плотика, с которого мы ловили рыбу. Тогда нас спасал рыбоведческий инспектор на моторной лодке. Потом было еще что-то связанное с цианистым калием и бактериологической культурой сифилиса, заботливо принесенной с работы папой-вирусологом Колай Колаичем, а потом... Мои уважаемые родители благоразумно продали дачу и пропахшую бензином "Победу", и на вырученные деньги переехали в трехкомнатный кооператив.

С продажей дачи и средства передвижения на оную, как-то сами собой испарились и бывшие соседи: Лева, Колай Колаич, Нина Петровна. А вместе с ними закончилась и целая историческая эпоха беззаботного и безопасного детства. Впереди неясно маячило будущее, подстерегающее заблудшее молодое поколение.

Первые несколько школьных лет прошли на удивление спокойно. Пока на слете Московской городской пионерской дружины... И черт его знает, каким образом я на этот слет попал, скорее всего для отчетности районной пионерской организации...

Короче, в обитом деревом зале кинотеатра "Восход", на трибуне, в белоснежной рубашке и в красном галстуке, сидел и многозначительно улыбался наипрыщавейший мальчик, которого я когда-либо видел в свой жизни. Все лицо его: лоб, щеки, шея, и даже веки были покрыты гнойными фурункулами.

Я сразу же узнал Леву, и с нетерпением ожидал перерыва, чтобы подойти и так вот, невзначай, поздороваться с председателем чего-то там городского по общественно-патриотическому. Сейчас уже с трудом вспоминается, за что именно отвечал в городском дворце пионеров Лева Федюшкин, кажется за игру "Зарница".

– Лева, – нерешительно спросил я, тайком наслаждаясь запахом сигаретного дыма, исходящего от группы упитанных мужиков в серых костюмах, толпившихся в коридоре. – Ты меня помнишь?

– А... – Лева нерешительно уставился мне в глаза. – Вы из Октябрьской районной организации?

– Да нет же, мы на даче рядом жили. Помнишь, мы на плоту на середину Оки уплыли? А самолет, помнишь, я чуть с балкона не свалился?

– А, наконец-то я понял, где вас видел, – голос у Левы слегка ломался. – В детстве. Ну что же, здравствуйте.

– Здравствуйтесь, – слегка оторопел я от такого официального приема.

– Я надеюсь, вы примете участие в городских военных пионерских учениях в следующую субботу? – Лева держался официально.

– Конечно, – я проглотил слюну. – Военных... А где тебя... Вас... можно будет найти?

– Парк "Сокольники", сбор около выхода из метро в девять утра. Приходите, – он протянул мне влажную ладошку.

Тем вечером я остро ощущал комплекс собственной неполноценности. Мой бывший друг детства добился таких невиданных высот... Руководит. Сидит на трибуне. Военные учения. Городская, хотя и пионерская, но все-таки организация...

Я приехал на сборы заранее. Времени было еще полдевятого, из метро толпой выходили ничего не подозревающие жители столицы, спешащие по своим делам. У табачного киоска сама собой образовалась длинная очередь – выкинули сигареты "Ява" по смешной доисторической цене в тридцать копеек. Наконец, начали собираться патриотически настроенные пионеры, некоторые из них приехали с родителями.

– Я очень рад, что ты пришел, – неожиданно тоненьким голоском заверещал Лева, появившийся откуда-то из-за спины. – Движемся к месту дислокации колонны. Равняйся... Взвейтесь кострами, синие ночи...

Как только я услышал про синие ночи, душой моей овладело смятение. В детстве я ходил на спектакль про синюю птицу. " Мы длинной вереницей пойдем за синей птицей". Но вот про синие ночи, да еще взвившиеся кострами. Бесовское видение.. Почему-то я вспомнил поэму "Двенадцать". Мы, на горе всем буржуям...

Короче, военно-патриотические учения не оправдали моих ожиданий. Вместо оружия, даже игрушечного, нам выдали обструганные палки. Часа три группы мальчиков бегали по парку, пугая прохожих, кто кого победил я так и не понял, но закончилось все, как и полагается, ритуальным пионерско-дикарским костром.

– Лева, я так рад, что мы с вами встретились! – я и сам не знаю, почему я испытывал такую тягу к этому прыщавому отроку в пионерском галстуке. Должно быть, ностальгия по ушедшему навсегда детству.

– Я тоже, и прошу обращаться ко мне "старший пионер комиссарского отряда Федюшкин", – сухо ответил он. – Теперь будем закалять волю. – Вы готовы?

– Всегда готов. А как это? – Я был заинтригован предстоящими испытаниями твердости пионерского характера.

– А вот так, – Федюшкин вытащил из кармана кулак, в котором были зажаты удлиненные конусообразные предметы бронзово-латунной окраски.

– Это что? – Дыхание мое на секунду остановилось от восторга.

– Пули, – сухо объяснил Федюшкин. – В военном округе взял.

– А что? – Я запнулся, потому что пригоршня пуль полетела в костер.

– Взвейтесь кострами синие ночи, – фальцетом затянул он.

– Мы пионеры, дети рабочих – по инерции продолжил я. – Мама! – Первая из взорвавшихся пуль со свистом улетела куда-то вбок.

– Стоять, товарищ пионер, – Лева схватил меня за руку. – А как наши отцы и деды в семнадцатом году...

– Бежит матрос, бежит солдат, стреляет на ходу. – Это сработал ассоциативный островок моего сознания. – Я помню город... Тут я запутался. – Петроград. Ленинград? Петербург? Я еще не хочу умирать. – От всего этого перечисления мне стало жутко. – Mamочka! – зарыдал я, потому что теперь уже свистело со всех сторон. Извернувшись, и выдрав руку из ладони Федюшкина, я упал на землю и, повинувшись первобытному инстинкту, начал по-пластунски ползти к ближайшим кустам.

– Позор предателям... Ууу – Зарыдал Федюшкин. Пуля тогда попала ему в правую ногу, но, по счастью, не задела кость. Инцидент этот был стыдливо замят городской пионерской и комсомольской организациями, но Федюшкина навсегда освободили от физкультуры, а также отстранили от руководства военно-патриотической работой среди незрелого поколения.

Самым разумным представителем рода Гомо Сапиенс в нашей семье тогда оказалась бабушка. "Этот дурак, сын идиота, проклят Богом. Держись от него подальше" – сказала она.

И больше Леву Федюшкина я не видел долго-предолго. Казалось даже, что он исчез из моей жизни навсегда, но ...

Времена тогда были доисторические. В Москве, кажется, тем летом намечались Олимпийские Игры. И вот, сдав очередной экзамен, и успешно перейдя на третий курс своего института, я, выходя из вестибюля, столкнулся со слегка прихрамывающим молодым человеком с добрейшими, я бы даже сказал, с ангельскими, серо-голубыми глазами. Что-то они мне напоминали, эти глаза. Падение с высоты, электрические разряды, бушующие воды Оки, цианистый калий и разрывающиеся в костре пули.

– Саша, – умильно улыбнулся молодой человек. – А я тебя сразу узнал. Ты как будто и не изменился совсем.

– Аа... Простите... – Я замялся.

– Я – Лева Федюшкин, ты меня помнишь?

– Ах, Лева, конечно, – суеверный холодок пробежал у меня по спине, и я попытался свернуть в ближайшую подворотню.

– А помнишь, как мы чуть не утонули? – Лева заискивающе улыбался. – А как ты с балкона чуть не упал. Мама до сих пор валериановый корень заваривает, как об этом вспомнит. А как я пули в костер бросил и нас чуть не убило?

– Помню, – мрачно констатировал я. – Ну ладно, приятно было встретиться вот так, мне только на занятия сейчас надо...

– Я с тобой пойду, – Левин рот был все время слегка приоткрыт. Куда только девалась самоуверенность юного пионерского вождя. Передо мной стоял жалкий, потерянный переросток, напоминавший как две капли воды своего отца.

– Да нет, не стоит.

– Хочешь, заходи к нам домой. Мама так рада будет тебя увидеть...

– Спасибо. А папа как?

– Папа умер, когда я был в девятом классе. – Левин рот сморщился. . – Представляешь, подавился маринованным подберезовиком.

– Ой, извини. Извини пожалуйста, – мне стало неловко. Бедный, нелепый Колай Колаич... – Ну, ладно, давай дойдем до метро.

– А я вот не знаю, кажется, сессию завалил, – Лева растерянно посмотрел на меня. – Совсем заданиями замучали. Я ведь после ранения ничего не воспринимаю... Ну ладно, попробую академку взять, а то выгонят... Мама ходатайствовала, чтобы мне инвалидность дали, как контуженному, но пока не получается...

"Осторожно, двери закрываются. Следующая станция Новослободская" – пропело в вагоне.

– А ты знаешь, что я недавно понял? – Федюшкин посмотрел на меня ясным, и одновременно торжествующим взором.

– Что? – Я приготовился к худшему.

– Это не настоящая женщина объявляет. – Лева облизнул губы.

– А кто? Ничего не понял. – Открытие Федюшкина меня несколько смутило. Если она не женщина, то мужчина. Или, к примеру, что значит "не настоящая"? Звучало это весьма двусмысленно.

– Ну, я как-то стоял на перроне, подходит поезд, там два мужчины- машиниста. И она вот также объявляет: "Осторожно, двери закрываются". Я думал, что эта женщина в последнем вагоне прячется, специально в этот поезд садиться не стал. И, представь себе, в последнем вагоне ее не было!

– Ну и что? – Я был одновременно обескуражен и напуган.

– Ну как же, значит она не настоящая. – Лева впился мне в глаза. – Понял?

– А какая же? – Я решил удрать от своего спутника на следующей же станции метро.

– Это – магнитофонная запись! – Лева начал смеяться, подмигивая мне правым глазом, тут же закашлялся, и мне удалось выскочить из вагона. Кто знает, каких испытаний я тогда избежал...

Вот, говорят, человек не властен распоряжаться своей судьбой. Не тут то было! Я избавился от Левы Федюшкина надолго, казалось, что навсегда. Детские страхи ушли в небытие. Я закончил институт, начал работать, защитил диссертацию. Потом началась перестройка, закончилась зарплата, и, получив временную, но все-же как-то оплачиваемую работу за океаном, я решил уезжать. Как-то выстаивая длиннущую очередь в ОВИРе, лицом к лицу столкнулся...

– Миша, – время сыграло с Левою жестокою шутку. Из прыщавого пионера, неуспевающего студента, он превратился в тридцатилетнего старичка. Лысоватый, с морщинами на лбу, он снова смотрел на меня ясным взором. – Ну надо же, и ты тоже уезжаешь! Мама так будет рада. Ты куда, в Америку? А скоро улетаешь? Не сможешь захватить лишний чемоданчик? У нас мамина подруга едет в гости, представляешь, всего два чемодана разрешают...

– Нет, извини. – Ноги мои похолодели и начали суеверно покалывать иголочками. – Я, пожалуй, в Израиль поеду.

– Ой, как здорово, и мы с мамой тоже с тобой поедем. Обязательно сообщи адрес, как устроишься.

– А как же... Ты же вроде русский...

– Зато имя у меня похоже на еврейское, – радостно улыбнулся Лева.

– Послушай, Лева, – я с сожалением посмотрел на него. – А что ты там будешь делать? Ты кем работал в последнее время?

– Я разрабатывал автоматизированную систему управления овощной базой номер пять Краснопресненского района, – Лева надулся от гордости.

– Да? – мне стало неловко за собственный нигилизм, циничность... – Ты знаешь, а стоит ли тебе уезжать, – я подозрительно посмотрел на подозрительного вида кожаный портфель, который Лева прижимал к груди. – В России сейчас столько возможностей открывается.

– Знаю, но никак не получается, – расстроено согласился Лева. Вот вчера только завскладом попросил передать портфельчик, обещал тысячу долларов наличными... И, ты представляешь, до сих пор никто не пришел, какие непорядочные люди, мама очень расстроена.

– Угу, – согласился я, принимая позу бегуна на старте.

– Стоять! – противного вида мужик в черном пальто заломил мне руки за спину. – Не двигаться, сукин сын, ты арестован.

– Я не при чем, пустите, – у меня началась истерика. Если я сейчас пропущу свою очередь, то выездной визы мне не получить до следующего года.

– Он не при чем, – кротко заявил Лева, – мы только что встретились.

– Я тебе сейчас, – худощавый гражданин заломил Левае руки за спину.

И этому дайте хорошенько, – он кивнул в мою сторону.

Ну что же, последние сомнения в моральности своего поступка - решении работать за рубежом, отступили после двух дней, проведенных в КПЗ при отделе по борьбе с наркотиками. Так и не знаю, что случилось тогда с Федюшкиным. Но, улетаю из Шереметьево, а в особенности, пересекая государственную границу, я почему-то испытывал пьянящее чувство освобождения. Я теперь тут, а Федюшкин - там. Все кончено. Я - свободен!

Вам никогда не приходило в голову, что все в нашей жизни относительно? Действительно, стоит только отъехать от дома на тринадцать тысяч километров, прожить на чужбине несколько лет, однажды утром выйти на улицу, вдохнуть тихоокеанский воздух, полюбоваться покрытым туманом заливом, пройти пешком по знаменитому мосту "Золотые Ворота", и налететь на странного, оборванного и слегка небритого гражданина, с испугом косящего на вас столь знакомым взглядом...

– Лева? – С надеждой ошибиться спросил я.

– Саша. Ох. Я знал, что мы еще встретимся... – Федюшкин неожиданно заплакал и попытался перелезть через перила.

– Ты чего, – с испугом спросил я. – Упадешь же.

– Ну и пусть. Мама расстроилась. Денег нет, понимаешь, мы когда сюда летели, купили билет в оба конца, так дешевле было. Если его сдать... А его не принимают... Слушай, помоги, – он схватил меня за руку.

– А, да, ну да, я сейчас, как-нибудь в другой раз, – заметался я, пытаюсь исчезнуть с пешеходной дорожки. Но куда там. От другой стороны моста меня отделяла несущаяся река автомобилей в шесть рядов, а внизу... Лева, казалось, именно туда и собирался.

– Такое счастье, что я тебя встретил... – Лева начал плакать. – Мы же с самого детства дружили, правда? – Он с надеждой посмотрел на меня. – Нет, это просто судьба, рука провидения. А то я уже совсем отчаялся, понимаешь, жизнь пропала. Все нас обманули. Только ты можешь нас спасти!

– Вы, что, утопаете? – апелляция к классикам была моей последней надеждой.

– Спасение утопающих здесь не при чем, – расстроился Лева, проявив неожиданные для меня познания в области народного фольклора. – Ну что же, ничего не поделаешь. Видимо, ты тоже стал типичным американцем. Тебе все равно, наплевать на нас. Если бы только папа знал...

– Ну зачем ты так, – мне стало стыдно. – Что у вас случилось?

– Мама говорит, что если нам не вернут деньги, она умрет от горя. – Лева насупился. – И Я тоже.

– Ну, так в чем дело? Поезжай в представительство... Какая у вас компания?

– Аэрофлот, – насупившись признался Лева.

– Ты знаешь, где у них контора в Сан-Франциско?

– В центре. – Лева был мрачен. – Попробуй туда доберись. Я один раз только туда доехал, и то у них был выходной. Годовщина какой-то революции.

– Да будет тебе, кто ищет тот всегда найдет, – начал декламировать я и смутился, вспомнив серый осенний день, черно-белый экран телевизора, запах валерианы, Нину Петровну, этажерки с кружевными салфетками и мальчика-Леву, с зажатым в руке самодельным арбалетом, стрела которого была вымочена в яде курары. – Здесь даже троллейбусы ходят... Как в Москве, – исчерпал я последние свои аргументы.

– Так ты сможешь моей маме? – Лева был непреклонен. – Она для тебя в детстве столько всего сделала. До сих пор помню, как она тебя держала за руки, когда ты пытался выпрыгнуть с балкона.

– Лева, – я был полон противоречивых эмоций. С одной стороны, ностальгические воспоминания детства, покойный Левин отец... Боже мой, но эти яды, взрывы, электрические разряды.

– Обещай, что ты не бросишь нас! – Клянись! – задатки пионерского вожака явно не прошли для Левы даром.

– Ну ладно, что же поделать, – Меня начала бить нервная дрожь.

– Спасибо, – Лева немного успокоился. Как хорошо, что я тебя встретил. Бывают же совпадения.

Я словно чувствовал, что провидение настигло меня, но, не в силах вырваться из мучительно затягивающего меня водоворота, и даже ощущая какую-то необъяснимую тревожную радость, вырулил на перекресток судьбы.

Автострада была забита, мы медленно ползли в веренице машин, пока мне не удалось свернуть на маленькую боковую улочку. Организация дорожного движения в Сан-Франциско навсегда останется для меня загадкой. По какой бы улице вы не ехали, она обязательно окажется односторонней, в какую бы сторону с нее вы не свернули, обязательно упрусь в тупик. Выезжая из тупика снова попадете на одностороннюю улицу, и так без конца, как будто попали в безумный лабиринт.

Хуже всего во всей этой истории было то, что ни я, ни тем более Лева, не знали, куда именно мы едем.

– Сюда, сюда, я узнал, здесь на углу был "Мак-Дональдс" – просветленно кричал Лева, и я судорожно сворачивал в очередной переулочек. – Нет, куда же ты повернул, надо было налево. – Федюшкин проявлял недовольство.

Часа через два кружения по городу, вся эта история окончательно перестала мне нравиться. Вырулив на очередную улицу, опознанную Федюшкиным, мы застряли основательно и надолго, зажатые между двумя огромными грузовиками, испещренными китайскими иероглифами. От переднего грузовика в воздухе распространялся аромат сгнившей рыбы, смешивающийся с едкими выхлопными газами.

– Я больше не могу, Лева, все! У меня в конце концов своя жизнь, дела, семья! Ты хотя бы адрес представительства знаешь?

– Там слева такой серый дом, с балконами, – вдохновенно пролепетал Лева. И туристические автобусы такие красные стояли.

– Ууу! – Улица расплылась перед моим взором. – Не могу больше, извини! Уезжаем. Ты свой домашний адрес помнишь?

– Я туда всегда пешком ходил, – смутился Лева. Разве их названия упомнишь? Улицу помню. Толи Коннор, толи Кондор. Нет, вспомнил, кажется Киндер.

– Все! – Кровь ударила мне в голову. – Лева, все кончено! Вылезай из машины, пусть это жестоко, но вылезай и ходи пешком. Ты не пропадешь. Человек, который не помнит своего домашнего адреса, не может пропасть. А я уж как-нибудь к вечеру отсюда выберусь.

– Я никуда не пойду, – Левушкин побледнел и вцепился пальцами в обивку сиденья. – Как тебе не стыдно. Мы же знаем друг друга с самого детства, встретились в чужой стране...

– Ну не пойдешь, ладно тебе, я пошутил. – Мне стало стыдно за свое поведение. – Нервы сдали.

– Конечно не пойду, – Федюшкин неожиданно стал агрессивен. – Сам уходи, раз ты так... Не по-человечески, не по-дружески.

– Ну что же, прекрасно... – Я почувствовал, что если не передохну от своего попутчика хотя бы пару минут, в мозгу моем произойдут необратимые изменения. – Прекрасно, тогда пойду я. И, знаешь что, забирай машину, она мне больше не нужна. – Я взмахнул рукой, и, как мне показалось, грациозным движением выпорхнул из золотистого автомобиля, изящно захлопнув дверцу.

На самом деле, в глубине души, я лелеял надежду, что в давно примеченном мной телефоне-автомате найдется телефонный справочник со всеми необходимыми адресами и номерами... Но судьба распорядилась по-иному...

Стоило мне дойти до тротуара... Лучше не смотреть. Не слышать скрежета металла, звона разбитого стекла и истерического, поросячьего визга Федюшкина, которого в искореженной кабине моего почти нового золотистого Фордика подминал под себя зловонный китайский грузовик, почему-то подавший назад...

Федюшкин отделался сломанной ногой и порезами, он теперь лежал в отдельной палате в знаменитом университетском госпитале. В целом все обошлось: страховка оплатила почти всю стоимость машины, а водителя китайского грузовика, давшего задний ход, засудили. Говорят, он тем утром злоупотребил своей обычной дозой нюхательного порошка.

Когда я вошел в палату, Лева лежал в гипсе и смотрел висящий под потолком телевизор. На экране золотистыми брызгами взрывался какой-то спящий вот уже лет пятьсот вулкан.

– Саша, – прохрипел он, попытавшись улыбнуться.

– Я на секунду, – я положил букет роз на кровать.

– Ты извини, что я тогда на тебя обиделся, я не должен был – Лева застенчиво улыбнулся.

– Да нет, это ты меня извини, я погорячился.

– Как все-таки хорошо иметь друзей! – Лева мечтательно улыбнулся. – Здесь, оказывается, столько интересных мест! Знаешь что, обещаю тебе и маме, что когда я выпишусь отсюда, мы поедем в вулканический парк...

Леву вот-вот выпишут из больницы. А это значит, что в Калифорнии вскоре произойдет извержение давно потухшего вулкана. Но меня здесь уже не будет, я твердо решил уехать в Австралию, тем более, что у моей фирмы там расположен большой филиал. Только умоляю, не рассказывайте об этом Лева Федюшкину. А если даже и проговоритесь – неважно, я на самом деле уезжаю не в Австралию, и работать буду в совершенно другой компании.

До скорого!

.oOo.